

УДК 94(37)

РИМСКАЯ ВЛАСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДДАННЫХ (I - II ВВ. Н.Э.)

© 2021 Е. А. Гуськов

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 30.10.2021

Задачей исследования является анализ социокультурных, политических и конкретно-исторических факторов, влиявших на формирование образа власти в глазах населения ранней Римской империи и на характер коммуникации между носителями власти и обществом. Специфика восприятия конкретных правителей и власти в целом различными категориями людей определялась особенностями их положения в социальной иерархии, характером государственного устройства Римского государства, отчасти официальной пропагандой, выстраивавшей определенный образ как самого правителя, так и всего государства, а также индивидуальными обстоятельствами, с которыми приходилось сталкиваться императору. Император находился в разных иерархических отношениях с гражданами, воинами, провинциалами, вольноотпущенниками и рабами; объем его власти был неодинаков по отношению к этим группам. Как результат не существовало единого образа власти для всего населения средиземноморского государства. Часто на него влияли локальные традиции восприятия власти.

Ключевые слова: Римская империя, император, восприятие власти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-52-58

Любая власть стремится заручиться поддержкой населения и ради этой цели использует, насколько возможно, различные средства. Чем разнообразнее арсенал, имеющийся в распоряжении правительства, тем более гибкой является политическая система, а чем разнообразнее форма взаимодействия политической системы с отдельными социальными группами и индивидами, тем более сложным и амбивалентным является образ власти, который складывается у населения. На формирование образа власти влияет множество объективных и субъективных факторов различного уровня, в т.ч. и тех, на которые ее носители не могут оказать непосредственного влияния¹.

Правители Рима возглавляли огромное и сложно организованное государство,

включавшее в себя не только гражданскую общину столицы и ее колоний, но и множество провинций, многие из которых сами по себе имели сложную этническую, социальную и политическую структуру, подразумевавшую параллельное управление римской администрацией и местными органами. Характер политической системы Рима не может быть определен в привычных терминах современной политологической классификации. Двусмысленность положения римского правителя состояла в том, что по отношению к населению он мог выступать в двух ипостасях – как принцепс и как император. Все население Империи можно разделить в правовом и социальном аспекте на три группы: 1) гражданский коллектив Рима (собственно римляне) и многочисленные муниципии Италии (а позднее и в провинциях), т.е. это та группа, для которой двойственный характер власти Цезарей был наиболее актуальным; правитель вы-

*Гуськов Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, международного права и зарубежного регионоведения
E-mail: megistos@yandex.ru*

ступал в своей ипостаси принцепса только для этой группы; официально, пользуясь только своим положением первого гражданина, казнить римского гражданина принцепс не мог; в середине I в. н.э. доля этой группы составляла около 5% от общей численности населения Империи. В ее составе можно выделить отдельную подгруппу, в отношении которой правитель Рима выступал только в другой своей ипостаси (императора) – римские граждане, поступившие на военную службу, над которыми он имел право жизни и смерти; в своих иерархических отношениях с римским правителем они были близки к остальным группам населения: 2) провинциалам и 3) рабам². Для последних двух групп владыки Рима всегда олицетворяли ту же деспотическую власть, что и прежние эллинистические монархи. Они носили титулы сообразно с местными особенностями (например, в Египте римские правители назывались фараонами, сынами Ра и т.д.).

Такая властная структура, с одной стороны, имела важные социальные последствия, способствовав сближению части римских граждан с обширным населением Средиземноморья, а с другой, определила характер коммуникации власти с обществом. До начала III в. н.э. граждане составляли абсолютное меньшинство в общей массе населения Империи, но играли при этом несопоставимую со своей численностью огромную политическую роль. Император-принцепс по определению был первым гражданином, и его власть над согражданами изначально была сильно ограничена республиканскими политическими традициями. Среди сенаторов он был *primus inter pares* и в теории не имел права распоряжаться их жизнями³. По отношению к провинциалам, либертинам и рабам он был полновластным господином. Как очень точно выразился А.В. Коптев, «в качестве принцепса он был вождем гражданского коллектива. В качестве императора он выступал правителем всего населения империи. Задачи, решавшиеся правителем и вождем, не всегда совпадали»⁴. Импера-

тору было необходимо выдерживать баланс между этими двумя своими ипостасями, чтобы сохранять социальный мир и лояльность как можно большего числа категорий населения. «Императоры, ориентировавшиеся на гражданский коллектив, оставили о себе хорошую память. Другие пытались или были вынуждены обстоятельствами решать общеимперские задачи, ущемлявшие интересы привилегированного класса граждан. Они рассматривались как тираны... «Плохими» императорами становились те, кто пытался относиться к подданным как к гражданам (Клавдий, Нерон) или к гражданам как к подданным (Калигула, Домициан)»⁵.

Образ принцепса коррелировал с образом власти в целом у граждан и подданных. Среди имиджевых характеристик важнейшими для римлян были социальные факторы: принадлежность к конкретной социальной группе, материальное положение, происхождение и биография; пожалуй, к правителям требования были особенно жесткими, по крайней мере в раннем принципате. «Недобор баллов» по одному из критериев обязательно должен был компенсироваться другими достоинствами. Для римлян вообще или для отдельных групп родовитость императора или претендента на престол порой выступала чуть ли не решающим обстоятельством. В частности, после свержения Нерона принятию императорской аккламации Гальбы немало поспособствовала его знатность и огромное состояние. По замечанию Тацита, все считали Гальбу достойным принципата, поскольку его род принадлежал к древней знати и занимал немаловажные государственные посты (Тас. *Hist.* 1. 49. 2 - 4). Эту характеристику неизменно подчеркивали у своих персонажей даже позднеантичные историки. Интересно, что недостаток родовитости иногда служил «оправданием» неразумной в глазах некоторых социальных слоев политике того или иного императора (например, как это было с М. Оппелием Макрином), а в некоторых случаях, когда

это позволяли пробелы в истории рода, выглядевшему достойно императору могли приписать и недостающие генеалогические звенья⁶. Конечно, почти наверняка подобные генеалогические реконструкции в древности (по крайней мере, в поздней республике и ранней империи) не воспринимались буквально, но в данном контексте важна сама социокультурная среда, в которой был востребован такой запрос, подталкивающий тех, кто претендовал на вхождение в круг имперской элиты, а уж тем более на императорский пурпур, к удревнению своего рода. Подлогами генеалогических деталей особенно отличился неизвестный автор «августовой истории», «создавший» никогда не существовавших в действительности предков многим известным политическим деятелям IV в. Древность рода была характеристикой, значимой не только в патрицианской среде, но и, возможно, среди широких масс населения. Для воинов родovitость императора не играла существенной роли, но они готовы были играть по традиционным правилам, когда это было выгодно им самим или их патрону⁷. Надо думать, они не полностью игнорировали значение социального статуса претендента на престол, однако он был лишь приятным, но необязательным довеском к тем критериям, которые предъявлялись к участникам военно-иерархических отношений⁸. Качества императора волей-неволей у воинов продолжали по инерции измеряться также и по гражданской шкале ценностей.

Как известно, гражданская и военная организация Империи были довольно четко разграничены; этот дуализм восходит к архаическим временам⁹. Обе эти сферы замыкались фигурой правителя, а также на первых порах общим римским происхождением гражданских и военных лиц. Данное обстоятельство привело к размыванию границ применимости характерных для каждой из них критериев оценки власти. Целый ряд критериев – социальная политика, следование традициям (как политическим, так и религиозным) – был общим для

всех. Играя на мотиве соблюдения «нравов предков», из которых знатность как условие для получения социального престижа была лишь одним из элементов сложного комплекса ментальных установок, принципы в условиях перерождения римской государственности сохраняли по крайней мере видимость статус-кво. Они не отвечали интересам всех групп, но хотя бы не раздражали большинство из них. Именно таким принципам наиболее всего повезло в общественном мнении. Например, нельзя говорить о том, что политика Антонинов сильно отличалась от той, которую проводил Домициан, но при этом Траян и его преемники выставляли напоказ свою связь с армией, как правило, только в военной среде и в провинциях, и не бравировали ею по любому поводу или без него в столице и Италии. Демонстрируя добрые отношения с сенатом, предоставляя ему возможность принимать некоторые решения в духе республиканских порядков, они в то же время не забывали и об армии, впрочем, без заискивания в духе Каракаллы, сохраняя в ней строгий порядок, поэтому отношение к Антонинам у солдат было, скорее, нейтральным, а среди аристократии – однозначно восторженным (редкие исключения, вроде прохладного отношения Тацита, не в счет). Наибольшую приязнь у воинов, судя по всему, вызывали Цезарь, Домициан и Каракалла, т.е. императоры, которые для сенаторов были либо ненавистны, как последние двое, либо, как в случае с Цезарем, так скажем, неприятны. Антонинам удалось найти разумную середину между заискиванием и суровостью, снисходительностью и устрашением среди воинов, а также между воинами и аристократией. Это разделение было прямым следствием дуальной природы принципата: правителю удавалось создать имидж «хорошего императора» только в том случае, если он четко разделял две основные свои ипостаси – императора и принцепса. Во втором случае он должен был быть не господином, а первым среди равных. В раннем принципате, который представлял собой монар-

хию, притворявшуюся республикой, резкое возвышение правителя над коллективом было невозможным или по крайней мере проблематичным¹⁰. С началом III века разграничение гражданской и военной ролей уже не было основным условием для попадания в разряд «хороших императоров». Отбросив антониновскую формулу отношений с сенатом, Северы начали постепенно приближать внешнее обрамление своей власти к ее реальному содержанию, что на деле уничтожило примерный паритет между принцепсом и императором в пользу последнего. Как следствие, оценивание его по гражданской шкале ценностей начинает неуклонно терять актуальность. Это выражалось не в том, что характеристики доброго гражданина стали вдруг неприменимы к нему, а в том, что теперь открыто подчеркивался военный характер его власти – т.е. в том, чего так старался избегать Август. Отныне правитель был не просто первый среди равных: теперь он был хоть и добрый, но все же полновластный повелитель, в идеале такой же доблестный и все так же проводящий разумную политику в отношении всех сословий и провинций. Иными словами, те же самые критерии, но на новый лад.

Не менее важным было и то, что император рассматривался как олицетворение определенной социальной и политической программы, которая по-разному воспринималась гражданами и «негражданами», а также различными слоями внутри этих категорий. Данный фактор восприятия фигуры римского правителя переходил в активную фазу только в чрезвычайных обстоятельствах: например, во время первой гражданской войны 68 - 69 гг., когда за тремя императорами из четырех стояли вполне заметные социальные программы, конечно, не оформленные в виде четкого алгоритма действий, но заметно различающиеся между собой и в конечном счете определившие исход войны. Победил в ней Веспасиан, бывший сторонником активного привлечения провинциалов в сенат и всадников к управлению Империей, есте-

ственно, за счет собственно римской знати, поэтому он воспринимался в соответствии со спецификой социальных и идеологических установок. Сенатская историография относится к нему довольно прохладно; даже Тит, которого, скорее всего, вполне искренне называли «отрадой рода человеческого», не удостоивался восторженных отзывов у последующих римских историков: им определенно не импонировала политика Флавиев по существу, но ее форма вполне устраивала. С Домицианом все оказалось проще. Это был один из тех случаев, когда с некоего ракурса форма власти совпала с ее содержанием. Примечательно, что это совпадение имело силу и с прямо противоположного ракурса, но, само собой, с иной окраской. Отсюда и становится понятным, почему последний представитель династии Флавиев стал знаковой фигурой в римской истории: насколько он был любим одними, настолько же ненавидим другими. Фигуры остальных императоров, за исключением Каракаллы и, пожалуй, Элагабала, раскалывали общественное мнение на гораздо более многочисленные и уравновешивающие друг друга группы.

Следующая подгруппа факторов – персональные – не может рассматриваться в отрыве от предыдущей: в основном это психологические, но иногда и физические особенности, а также чисто политические качества того или иного императора. Поскольку они являются самыми индивидуальными из всех предыдущих и в какой-то степени самыми очевидными, я их не буду касаться. Здесь будет уместно упомянуть только об отношении к римским владыкам в среде провинциалов, поскольку в целом они принимали Империю и ее государственное устройство как данность и их восприятие римской власти ограничивалось, как правило, только личностными характеристиками правителей. Замечу, что для граждан такой уровень восприятия власти Тацит считал одним из признаков падения нравов. Вместо обсуждения действительно важных государственных дел, как было при

Республике, политическая жизнь Империи, по его мнению, свелась к толкам о достоинствах и пороках государей (Tac. *Hist.* 1. 7. 3 etc.). Сетования Тацита имели под собой основания, если учесть, допустим, в каком направлении шла римская историография императорского периода: надо полагать, именно как отражение этой тенденции постепенно на первое место выходит биографический принцип построения римской истории. Успехи и неудачи Рима теперь зависели только от достоинств и недостатков конкретных императоров. И еще одно замечание по этому поводу: реальную личность императора мало кто в действительности знал, поэтому надо уточнить, что и здесь речь идет в большей степени о специально созданном или ненамеренно возникшем имидже, ставшем результатом столкновения реальных характеристик личности, ее политики, социокультурной среды и специфики воспринимающих субъектов.

Смесь этих факторов формировала образ власти, и чем более согласованными они были, тем более определенным был этот образ. Противоречия между ними соответствующим образом могли отразиться на имидже императора. Одна из самых неоднозначных фигур римской истории I столетия новой эры – император Клавдий I. В своей политике он отошел от кровавых эксцессов предшественников, довольно последовательно разграничивал гражданскую и военную власть, что, казалось бы, должно положительно сказаться на его образе, но в то же время он был полон «взаимосключающих параграфов»: сторонник сохранения республиканских традиций, он отправил на смерть более 40 сенаторов – в полном противоречии с ними. Слухи о том, какую огромную власть над ним имели его либертины и жены, негативно сказывались на его имидже и как человека, и как правителя. Непоследовательность Клавдия создала ему репутацию разве что не умственно неполноценного человека, и его личностные характеристики были перенесены на политическую систему в целом. Особенно

это справедливо в отношении его предшественника. Калигула, крайне популярный в начале своего правления, своим имиджем практически «народного императора» пресекал возможные разговоры о ликвидации принципата просто в силу родства с крайне популярным Германиком. Поэтому неслучайно, что времена Калигулы (может быть, на самом деле психически нездорового человека) и Клавдия – это период активного обсуждения возможности реставрации республиканского устройства. Власть римлянами воспринималась через конкретных ее носителей, иногда в образе идеального правителя (Август и Антонины), иногда в прямо противоположном образе, созданном практически по зеркальному принципу относительно политического идеала (Калигула, Нерон, Домициан, Каракалла и Элагабал).

Были, разумеется, и исключения, когда смешение гражданской и военной власти правителя не приводило к серьезным последствиям для имиджа или когда первоначальный негативный образ сменялся более положительным в отсутствие практических действий со стороны самого правителя, поскольку на оценку его деятельности и иногда самой его личности неизбежно влияли обстоятельства, в которых он действовал. Самые яркие примеры – Септимий Север и Адриан, которые при всех прочих равных условиях, без сомнения, получили бы ярлыки тиранов. Основатель династии Северов, вопреки своей изуверской жестокости, был в целом благоприятно оценен современниками благодаря тому, что он спас Империю от ужасов очередной гражданской войны, разгуга разбойничьих шаек и продовольственного кризиса. Замечу, что Тиберия, который решал почти идентичные проблемы, причем не в пример более мягкими средствами, это не спасло от «звания» тирана по той же самой причине – в его время слабо прикрытая монархическая манера правления перевешивала все его достоинства и успехи (опять-таки речь идет не о реальной характеристике, а об ее образе, причем, судя по всему, не соответствующем действительности).

Теперь от факторов, определявших образ римского императора, перейдем непосредственно к самому образу. Социально значимые характеристики императора были включены в его титулатуру. Помимо занимаемых им «должностей» принцепса и императора, великого понтифика и авгура, трибунских полномочий, иногда консулата, он всегда (в смысле онтологической, а не исторической перспективы) был Великим, Счастливым, Непобедимым и Благочестивым. Во всяком случае, он обязан был быть таким. Причем все эти качества, кроме последнего, были в некотором смысле intersubъективными, ибо зависели от расположения к нему богов. Поскольку он был Благочестивым, что понималось как следование нравам предков, как точное соблюдение религиозных традиций (по сути – почитание богов), то боги позволяли ему быть Счастливым, Непобедимым и на уровне земного бытия Великим (среди богов это была привилегия Юпитера). Тацит сохранил для нас отрывок из речи Тиберия, в которой император или сам историк, что в данном случае непринципиально, говорит о роли принцепса в благополучии государства (*Ann.* 3. 53. 4): «...от принцепса требуется нечто большее и более выдающееся (имеются в виду обязанности отдельных должностных лиц. – Е. Г.), и, если всякий снискивает одобрение за добросовестно выполненные дела, промахи всех вменяются в вину ему одному» (пер. А.С. Бобовича). В одном из сенатских постановлений (кстати, тоже времени Тиберия) эта мысль выражена еще более четко и прямо: *salutem imperi nostri in eius domu[s] custodia posita[m]* (*SCdeCnP.* 162-163). Его достоинства гарантировали Римскому государству благополучие – и наоборот. В идеале заслуги принцепса должны были быть признаны всеми гражданами, чтобы он был вправе властвовать над каждым из них. Отдельные попытки утверждения божественного или наследственного права приобретения принципата не имели успеха, а идея о заслугах императора является неизменной темой как в римском ис-

кусстве, так и в нумизматике. Избранный за великие достоинства император должен был иметь за спиной единый в своем мнении народ. Каждый был волен сам выбирать частные культы, но определенную долю благодарности должны были получить те боги, от которых зависели судьба и безопасность всего государства. В этой идее были некоторые опасные моменты, но ее нельзя назвать неудачной. В течение двух столетий образ императора как элемента, соединяющего мир богов и гражданский коллектив Рима, а позднее и всего Средиземноморья, обеспечивал относительно стабильное состояние Римской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 135.
- ² Однако при этом воины по-прежнему осознавали, что некогда были гражданами и при благополучном завершении службы снова ими станут. В то же время политический смысл гражданства приобретал новое содержание в условиях принципата. См. Махлаюк А.В. Дихотомия *civis – miles* в Риме позднереспубликанского и императорского времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2003. № 2. С. 6, 10.
- ³ Разумеется, реальность была суровее. Об этом см. Birley A. The Oath not to put Senators to Death // *The Classical Review*. 1962. Vol. 12, issue 3. P. 197 - 199.
- ⁴ Контев А.В. *Princeps et dominus*: к вопросу об эволюции принципата в начале позднеантичной эпохи // Древнее право. 1996. № 1. С. 182 сл.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Например, Веспасиана, принадлежавшего к незнатному роду, пытались записать даже в потомки одного из друзей Геракла, основавшего родной городок принцепса – Реате. Ироничное отношение самого Веспасиана к подобным «научным» изысканиям современников (*Suet. Vesp.* 12) являлось скорее исключением, чем правилом на фоне реакции других правителей. Марк Антоний без лишней скромности заявлял о своем родстве с Гераклом. Как известно, с утверждением власти Августа и без того богатая история Юлиев, возводивших свой род к легендарному Энею, с одной стороны, и к Венере, с другой, переплетается с материнской линией

императора – родом Атиев, якобы настолько же древним, как и Юлии. Несмотря на то, что успех этой пропаганды едва ли можно назвать оглушительным, свое дело она все-таки сделала.

⁷ Известен один эпизод, произошедший в 185 г., когда воины одного из британских легионов чуть не подняли восстание из-за того, что во главе их поставили «безродного» легата – всего лишь всадника, а не сенатора (Dio Cass. 73. 9. 2²–3; Herod. 1. 9. 7; SHA. *Comm.* 6. 1). Скорее всего, этот инцидент был частью продуманной игры вольноотпущенника императора Коммода, Клеандра, против кадровой политики преторианского префекта С. Тигидия Перенниса, который назначал на важнейшие посты своих людей и в итоге, перейдя дорогу императорскому спальнику, поплатился жизнью (Dio Cass. 73. 9. 3). Сомнения в искренности мотивов возмущенных легионеров вызывает то обстоятельство, что вскоре после этих событий Септимий Север будет заигрывать с прямо противоположными чувствами иллирийских и паннонских солдат, а в новообразованных

трех Парфянских легионах и вовсе не допустит сенаторов до командных должностей. Ни о каких возмущениях со стороны тех солдат неизвестно, да их и не могло быть, поскольку еще со времен поздней Республики воины, состоя в почти клиентельных отношениях с императором, рассматривались в качестве основных противников сенатского (т.е. фактически – гражданского) всевластия. История I в. н.э. продемонстрировала немало примеров того, что этот антагонизм не только не угас, но даже усилился.

⁸ См., например, рассуждение Онасандра о второстепенном значении родовитости для полководца (1. 23).

⁹ Махлаюк А.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁰ Кстати, Каракалла часто поступал с точностью до наоборот: среди воинов он разыгрывал роль простого воина, выделяющегося среди солдатской массы только своей доблестью (т.е. был своего рода военным принцепсом, несмотря на оксюморон), а с сенаторами вел себя как *dominus*.

ROMAN POWER IN THE PERCEPTION OF THE EMPIRE'S POPULATION (I–II A.D.)

2021 © E. A. Guskov

Moscow City University, Samara Branch

The aim of the research is the identification and analysis of socio-cultural, political and concrete historical factors that influenced the formation of the image of power in the eyes of the population of the early Roman Empire and the nature of communication between the bearers of power and society. The specifics of the perception of specific rulers and power in general by various categories of people were determined by the peculiarities of their position in the social hierarchy, the nature of the structure of the Roman state, and partly by official propaganda, which built a certain image of both the ruler himself and the entire state, as well as individual circumstances that the emperor had to face. The emperor was in different hierarchical relationships with citizens, soldiers, provincials, freedmen and slaves; the scope of his power was not the same in relation to these groups. As a result, there was no single image of power for the entire population of the Mediterranean state. It was often influenced by local traditions of power perception.

Keywords: Roman Empire, emperor, perception of power.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-4-52-58